

РЕНАТ ХАРИС

*Народный поэт Татарстана,
лауреат Государственной премии Российской Федерации*

О ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ТУКАЯ

У каждого народа есть мудрецы, великие певцы, художники, композиторы, артисты, поэты. На крутых поворотах судьбы своих народов они вспыхивали путеводными звездами, становились духовными поводырями своих современников. На заре XX века для татарского народа таким человеком был поэт Габдулла Тукай, чьё поэтическое слово зазвучало как голос всего татарского народа. Когда, после политических событий 1905 года, татарские панисламисты подзуживали татар переселиться в Турцию, тогда двадцатилетний Тукай во всеуслышание заявил: *“К единой цели мы идём, свободной мы хотим России, / Ответ наш ясный и простой запомнить просим навсегда: / Вам лучше в Турции? Туда пожалте сами, господа!”* И народ, и политические силы тогдашнего татарского общества услышали поэта. Эти и другие строки стихотворения *“Не уйдём!”* мы громко повторили и в конце XX века, когда горячие политики заподозрили Татарстан в стремлении отделиться от России. И, к счастью, мы вновь были услышаны.

Однако поэт ценен прежде всего не политичностью поэзии, а поэтичностью своего слова, глубиной духовного мира, искренностью переживаний, философичностью мыслей. Поэт интересен ещё и тем, насколько он почерпнул ковшом своей души из океана человеческой гениальности, как она воспринимается и понимается им самим, ибо творческие личности всех времён обращали внимание на феномен гениальности как на концентрацию огромной созидательной или разрушительной силы человека.

В понимании 26-летнего Тукая *“гений”*, как это видно из стихотворения *“Гению”*, – это человек, глазам которого мир открылся как вечный мрак и который ищет огонь идеала, чтобы сделать его светлым. А что из себя представляет идеал Тукая, как он хотел осветить мир мрака, и что он там хотел увидеть? Эти вопросы требуют специального изучения, а они не входят в задачу этой статьи.

Видимо, поэт сам рассматривал феномен *“гения”* только в одной – социально-нравственной – плоскости, хотя, возможно, понимал его шире и глубже.

А как обстоит дело с *“гениальным”* соотносительно с творчеством Тукая и им самим? Прежде чем высказаться по этому вопросу, я позволю себе оживить одно маленькое воспоминание.

К столетию Габдуллы Тукая, то есть 25 лет тому назад, общественность республики начала готовиться заблаговременно. В том числе и редакция литературного журнала *“Казан утлары”* (*“Огни Казани”*). В течение трех лет в каждом номере журнала мы печатали материалы о поэте, стараясь преподнести читателю что-нибудь свежее. Для этого я, как главный редактор журнала, обратился в Союзы писателей союзных республик или в редакции их литературных журналов с просьбой прислать материалы, высказывания их учё-

ных и писателей о великом поэте татарского народа. Статьи поступали, и мы печатали их с благодарностью к братским народам и литературам.

Однажды произошел случай, который не дает мне покоя и по сей день. Дело в том, что мы получили письмо из одной прибалтийской республики, в котором говорилось о том, что по переводам произведений Тукая на русский язык нельзя сказать, что он действительно велик... Тукай кажется обычным поэтом. Этот ответ, наверное, был частным, искренним, честным, но мог бы быть более доказательным. Он заставил меня еще глубже погрузиться в творческий мир Тукая.

Давайте задумаемся – кого из себя объективно представляет Тукай? Он – деревенский юноша, паренёк 26 лет от роду; в никаких царскосельских лицах, как Пушкин, или в университетах, как Лермонтов, Байрон, или в благородных училищах, как Бараташвили, не учился; в парижах-лондонах не бывал; министерствах, иностранных миссиях, как Державин, Грибоедов, Тютчев, не служил; на полях сражений, как Петёфи, героизма не проявлял; не был арестован властями, не приближён к трону. Он не успел познать ни материнской, ни отцовской ласки, не успел стать ни мужем, ни отцом. У него никогда не было даже собственного дома. Короче, в его жизни не было ничего сверхзначительного, что придавало бы яркость его личности. Но этот, по современным меркам, “малообразованный” юноша в 20 лет дерзнул сформулировать и задать самому Всевышнему несколько таких вопросов, которые могут ставить в тупик и высокообразованных философов современности:

*Почему ты, боже, столь разными создал людей?
Почему я ничтожней ничтожнейшей твари твоей?..
Иль во мне и начало, и устье потока скорбей?..
Иль таит в себе ад эта жалкая связка костей?..
Слышишь, господи? Я вопрошаю, ответь мне скорей!..*

*Ибо разум мой тёмн, не может он справиться с ней...
Не в моей ли доле злосчастного мира исток?
Не родиться бы вовсе — так было б, пожалуй, умней...*

По глубине проникновения в суть явлений, по мастерству оформления мыслей, особенно в оригинале стихотворения, Тукай предстает перед нами как высокообразованнейший, зрелый человек. А в стихотворении “Не стану мелочиться” он не только задает вопросы, даже предлагает себя Всевышнему в качестве помощника: “*Это солнце пусть погаснет, я взойду ему взамен. Люди пусть по мне сверяют далее свои часы...*” Это – подстрочник, а в переводе М. Талова, к сожалению, ничего этого нет.

Стихотворения “Вопросы” и “Не стану мелочиться” по своей философской глубине, простоте и четкости изложения, поэтическому накалу и страстности созвучны с произведениями не только средневековых гениев восточной поэзии, скажем – Насими, сказавшего: “В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь”, но и с гениальным стихотворением Гавриила Державина “Бог”, где он осмеливается сказать Всевышнему: “Я есмь – конечно, есть и ты!” и продолжает:

*Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной...*

У знатного, богатого, довольного жизнью Державина к Всевышнему не было особых претензий и вопросов. Он только пытался понять Его для себя и объяснить другим, что, конечно же, в те времена являлось неслыханной смелостью. А бедный, обездоленный Тукай, который в пятимесячном возрасте остался без отца, а в три с половиной года – круглым сиротой, осмеливается... На такие вопросы его толкают собственная судьба, почти что ничем не отличающаяся от судьбы всего татарского народа, и личная отвага, одержимость.

Все мы хорошо знаем гениальное стихотворение гениального Лермонтова:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

Этот непревзойденный образ космической тишины, созданный 26-летним Лермонтовым, завораживает и окрыляет фантазию. К тому же в этом стихотворении Лермонтов на 121 год раньше Гагарина увидел, что “спит земля в сиянье голубом”.

Вот как выглядит подобный образ 20-летнего Тукая в переводе Анны Ахматовой:

*Свет вечерний тих и ласков, под луною все блестит,
Ветерок прохладный веет и ветвями шевелит.
Тишина кругом, и только мысли что-то шепчут мне,
Дрёма мне глаза смыкает, сны витают в тишине...*

В этой тишине Лермонтов внимает богу и слышит разговоры звезд, а Тукай слышит, как сказано в оригинале, пение собственных мыслей и чтение ими чего-то. У Тукая, как и у Державина, космос в нём самом, космос души, не уступающий вселенскому космосу.

*О, взойди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!
Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!..
Мой светильник несравненный, драгоценная свеча!
Что мне светочи вселенной, если ты не дашь луча?*

Но самым ярким подтверждением вселенскости души Тукая, как мне кажется, являются строки стихотворения “Разбитая надежда”:

*Посчитав тесной клетку мира, птица души вылетела из неё,
Хоть и создал Аллах её в радости, но для вселенной чужой.*

Я цитировал Тукая в подстрочном переводе, так как в целом замечательный перевод Анны Ахматовой не тождествен с самыми значительными стихами оригинала: “В клетке мира было тесно птице сердца моего; Создал бог её веселой, но мирской тщете чужой”. Согласитесь, разница ощутимая. Тукай четко определяет понятие “мир” как вселенную людей, мироздание людей, со всеми человеческими перипетиями, законами, пороками и достижениями. Именно этот мир воспринимается птицей души поэта как тесная клетка. И она вылетает из неё в безграничную в своей чистоте, беспорочности божественную вселенную, но и там оказывается чужой, ненужной. И Тукай, всецело уверовавшего в то, что он “...не вмещается во Время брэнного мира и его условий...”, в очередной раз посещает душераздирающая мысль:

*...О, страданица моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?*

В оригинале этот выстрадавший одним человеком, но хранящий в себе общечеловеческую трагедию вопрос звучит вообще космически: “Зачем ты произвела в семью Вселенной чуждого человека?” Но почему он чуждый в этой, казалось бы, беспристрастной, свободной от мирской тщеты семье? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно провести специальное исследование всего творчества Тукая. Когда 23-летний Габдулла писал вышеприведенные стихи, наверняка ощущал себя частью великого космоса с его созвездиями, метеоритами, кометами, ибо его образный мир изобилует космическими объектами, звездными лучами, лунным сиянием и т. д. Давайте на минутку подумаем, какими же научными знаниями, какой силой фантазии, каким механизмом мыслетворчества, какой дисциплиной ума должен обладать юноша, чтобы так пространно, свободно размышлять и написать подобные стихи. Согласитесь, случай этот — из ряда вон выходящий. Но выходящий куда, в ка-

кую сторону – в сторону наивности и случайности, или в сторону осмысленности и детерминированности?! Неужели все это лишь результат случайных причудливых соединений фантазий, видений поэта? Нет и еще раз нет! У нас есть все основания квалифицировать данный случай как встречу с огромным талантом, обладающим неограниченными интеллектуальными возможностями.

Может быть, Тукая посещали великие озарения, какие посещали Архимеда в ванной, Ньютона под яблоней? Но поэтические явления, подобные Державину, Пушкину, Байрону, Лермонтову, Тютчеву, Бараташвили, Кандальи, Дэрдменду, Джалилю, Сеспелю и, конечно же, Тукаю, невозможно объяснить только озарениями... В мгновения озаренности в уме поэта могут возникнуть неожиданные ассоциации, связи, спайки полузабытых понятий с новыми знаниями, в силу чего рождаются яркие, ёмкие поэтические образы и метафоры, подобно следующим: *руки мыслей, испачканные неволей; стихи, вспыхнувшие от сияния зубов красавицы; или затеявшие между собой драку рука и разум; или душа, покинувшая тело и взявшая направление к своему повелителю; или стреноженный грязными путами ум; или ресницы, сомкнувшиеся перед любовью, чтоб никогда не открыться перед ней...* Таких богатых на ассоциации образов в оригиналах произведений Тукая множество, но, к сожалению, в переводах они куда-то делится, унося с собой и ощутимую часть не только поэтичности, но и самого смысла стихов.

Может быть, гениальность передалась ему по наследству? Но наука до сих пор таких случаев не знает. Бесспорно, родители одарили Тукая значительными задатками к творческому мышлению. В богатый впечатлениями кырлайский* период жизни Габдуллы они развились и превратились в склонность сочинять литературные произведения. Ещё более благополучная как в образовательном, так и в общественном планах жизнь в Уральске превратила эту склонность в способность общаться с миром при помощи стихов. А в Казани возмужавший критический ум и обнаженные чувства Тукая сомкнулись, и он созрел как творческая личность.

Это – внешние этапы становления Тукая как поэта. А в недрах этого пути с огромной скоростью шло интеллектуальное, психологическое, творческое, социально-политическое, личностное становление. Тревожное, тяжелое детство, сопровождавшееся многократными отвержениями, унижениями в различных семьях, с резкими сменами радости и горя, сделало Тукая с малолетства сверхчувствительным к любым явлениям жизни и возбудило жажду самосовершенствования. В результате Тукай, не обучаясь ни в каких институтах и университетах, стал высокообразованным, передовым человеком своего времени, хорошо знающим не только родную культуру и литературу, но и русскую, персидскую, арабскую, турецкую литературы, четко разбирающимся в политике, экономике, педагогике, шариате. Его сердце, словно сейсмограф, реагировало, отзывалось на любое колебание души народа, его интеллект мог разобраться в сложных перипетиях общественно-политической жизни и вынести свое суждение, его любовь и ненависть стали умными. Огромный творческий талант и мощное гражданское чувство слились воедино в человеке по имени Габдулла Тукаев, и появился великий поэт татарского народа Тукай.

Гёте пишет, что национальный классический писатель появляется тогда, *“когда в образе мыслей своих соотечественников он не видит недостатка в величии, равно как в их чувствах недостатка в глубине... когда он сам, проникнутый национальным духом, чувствует в себе благодаря врожденному гению способность сочувствовать прошедшему и настоящему; когда он знает свой народ на высоком уровне культуры и его собственное просвещение ему дается легко; когда он имеет перед собой много собранного материала, совершенных и несовершенных попыток своих предшественников, и когда внешние и внутренние обстоятельства сочетаются так, что ему не приходится дорого платить за свое учение...”* Эти слова, как мне кажется, наиболее точно объясняют талант и предназначение Тукая. Одним словом, Тукай родился вовремя, когда татарский народ в своем развитии испытывал острую необходимость в гении, способном концентрировать в себе, в своем творчестве духовную энергию нескольких поколений, дать этой энергии новое, опережающее время, перспективное направление.

* Кырлай – деревня, где сирота Тукай несколько счастливых лет воспитывался у дальних родственников.

Однако гениален ли Тукай? Похож ли он на персонаж его же стихотворения “Гению”, который принял блеск золота за сияние идеала и остановился на полпути? Конечно же – не похож! А то, что этот юноша-аксакал, юноша-мудрец обладал *гениальным поэтическим даром* – бесспорно! Но только этого недостаточно. Умные книги пишут о том, что “о наличии *гениальности* можно говорить лишь в случае достижения личностью таких результатов творческой деятельности, которые составляют *эпоху в жизни общества*, в развитии культуры”. Творчество Тукая разве не соответствует такому определению? Стихи Тукая уже много десятилетий являются формулами наших мыслей. Язык его произведений лёг в основу литературного языка татарского народа. Его произведения являются основой нравственного, эстетического воспитания нескольких поколений не только татар, но многих тюркских народов мира и России.

До Тукая в татарской мифологии незаметно жило множество разных духов. Только двух из них – Шурале и Водяной – коснулся гений Тукая, и они тотчас стали сказочными символами и неотъемлемой частью татарского менталитета. И в дотукаевской поэзии, и в последующей есть много стихов, которые и красивее, и певучее, чем “Туган тел” (“Родной язык”). Однако именно песня на стихи Тукая стала неофициальным гимном татарского народа, при исполнении которой он встаёт.

Возвращаясь к письму, подвергнутому сомнению поэтическую высоту Тукая, хочу сказать, что гениальность личности трудно определяема поверхностным взглядом, ибо в необычайной простоте её нелегко узреть глубокий смысл истории и культуры конкретного народа. Величие поэта одного народа не может определяться сравнением его произведений с достижениями литературы других народов. В то же время отрицание роли перевода на другой язык жемчужин национальной поэзии недопустимо ни при каких обстоятельствах, ибо это, в конечном итоге, скажется на имидже культуры целого народа, на прочности и полнокровности контакта этой культуры с мировой культурой.

Почти всё в культуре связано с поэзией, а в татарской поэзии – с Габдуллой Тукаем.